

В заключение отметим, что категоризация является основным способом фиксации знаний, следовательно, играет основополагающую роль в формировании образа мира. Данная мыслительная операция по большей части осуществляется человеком на бессознательном уровне и позволяет человеку функционировать в мире материальных вещей, а также в социальной и интеллектуальной жизни [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баклашкина О.Н. Роль перцептуальных процессов при категоризации и концептуализации мира (на примере неличных форм английского глагола) // <http://mmj.ru/44.html?&article=338&cHash=de912e8ddd>.
2. Золотова Н.О. Образ мира в ядре ментального лексикона // Картина мира: формы и способы её презентации. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – С. 65–70.
3. Лакофф Дж. О важности категоризации // http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108677734&archive=0212&start_from=&ucat=1&.
4. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избр. психолог. труды. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – С. 113–119.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. – 1972. – № 12. – С.129–140.
6. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. – Сер.14 «Психология». – 1979. – № 2. – С.3–13.
7. Психологический интернет-словарь // http://www.pbi.ru/dic/k/k_8.htm.
8. Рогожникова Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова: Монография. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. – 242 с.
9. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник МГУ. – Сер.14 «Психология». – 1981. – № 2. – С.15–28.
10. Bloom Paul. Descartes' baby: how the science of child development explains what makes us human. – New York: Basic Books, 2004. – 271 p.

Е.Ф. Нечаева

КАТЕГОРИЯ «*LE SUBJONCTIF*» КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОППОЗИЦИИ Я – ДРУГОЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Сегодня признается тот факт, что грамматический строй языка является источником для выявления особенностей языкового сознания наравне с лексикой и фразеологией. Еще в 1999 году А. Вежбицкой было замечено, что в грамматике закодировано значение, и оно принципиально для понимания особенностей характера представителей той или иной нации [1: 1].

Герменевтический подход позволяет рассмотреть грамматическую категорию как систему явных и неявных смыслов, что может иметь принципиальное значение для выявления предельных понятий [3] и фундаментальных отношений, определяющих языковое сознание. В данной статье мы рассмотрим преимущества герменевтического подхода к анализу грамматических категорий на примере наклонения *Subjonctif* во французском языке и выявим смысловое содержание этой грамматической категории.

Проблеме взаимоотношений наклонений *indicatif* и *subjonctif* уделяется большое внимание в работах многих лингвистов (Ш. Балли, А. Доза, Ж. Дюбуа, Г. Гийом, А. Мартине, М. Гревис, Ж. Фуле, Аль Исса-Муна, Л.В. Байдак, С. А. Ма-

лышева и другие). Основной вопрос, на который пытаются найти ответ исследователи, является ли *subjonctif* лишь позиционным вариантом *indicatif* или это особая грамматическая форма. Существуют различные точки зрения на роль категории *Subjonctif* во французском языке:

- *subjonctif* как грамматический плеоназм (Ш. Балли [5]);
- *subjonctif* как вторая форма индикатива (Ж. Фуле [8]);
- *subjonctif* как форма психологического подчинения (Де Бур [6]).

А. Доза полагает, что *subjonctif* – это наклонение возможности, сомнения и неуверенности, тогда как *indicatif* – наклонение утверждения и уверенности с элементом возможности. В отличие от *indicatif*, выражающего процесс объективно, *subjonctif* обладает аффективностью. Из области интеллектуального *subjonctif* как бы переносит получателя информации в область чувств. В этом проявляется двойственность мышления: с одной стороны, процесс представляется как факт объективной действительности, с другой стороны, как объект чувства, волеизъявления [7: 219]. М. Нордаль называет *subjonctif* одним из самых загадочных и не до конца понятых наклонений «*le mode le plus fascinant qui soit*» [9: 1].

В исследовании, посвященном оппозиции *subjonctif/indicatif* в придаточных определительных, А. Исса-Муна отмечает, что «... несмотря на исчезновение из современного французского языка сложных форм *subjonctif*, наклонение не представляется нам отжившим, а напротив, постоянно развивающимся. Требуется найти новые критерии для его адекватного описания и принципов фиксации в грамматике» [2: 39]. А. Исса-Муна характеризует *subjonctif* как наклонение, представляющее действие как нереальное (в широком смысле желательное или сомнительное) и всегда маркированное авторской оценкой (т.е. несвободное от отношения к нему говорящего) [Op. cit: 40]. Именно поэтому, использование *subjonctif* может менять смысл глагола. Например: в предложении – *je dis qu'il vient* – глагол «dire» имеет значение ‘сказать’, а в предложении – *je dis qu'il vienne* – ‘приказать’ [Op. cit: 41]. На наш взгляд, понять глубинный смысл категории *subjonctif* можно путем применения герменевтического подхода и анализируя *subjonctif* в качестве транслятора оппозиции *Я – другой* во французской лингвокультуре.

Еще в 1926 году Ш. Балли в работе «Выражение идеи “персональной сферы” и “сферы солидарности” в индоевропейских языках» говорил о необходимости исследования индоевропейских языков в ракурсе двух сфер: «персональной сферы» (*sphère personnelle*) и «сферы солидарности», т.е. «сферы пересечения с другими лицами» (*sphère de solidarité*) [5]. «Персональная сфера» касается только субъекта, а «сфера пересечения с другими лицами», т.е. «межличностная сфера» затрагивает его взаимоотношения с другими субъектами. Базируясь на этом положении, можно проанализировать смысловые составляющие категории *subjonctif* по двум зонам, что в большей степени позволяет сосредоточиться на направленности смысловых составляющих к субъекту или от субъекта.

Итак, если осмыслить категорию *subjonctif*, исходя из идеи о существовании двух зон: «персональной зоны» субъекта («пространство «его»») и «зоны межличностных отношений», то становится понятным, что использование *subjonctif* во французском языке не только способствует подаче информации как субъективной, маркированной авторской оценкой, но и, в некоторой степени, «защищает» «персональную зону» субъекта («пространство «его»») от проникновения *другого*, от лица, выражающего какое-либо мнение. Для сравнения в русском языке, где нет данной категории фраза типа: *необходимо, чтобы ты сделал эту работу*, будет

восприниматься, как абсолютная необходимость, а не личное мнение говорящего (на уровне грамматического строя). Во французском языке аналогичная фраза требует обязательного использования *subjonctif*, что автоматически делает информацию субъективной, т.е. защищает персональную зону субъекта от мнения окружающих на уровне грамматического строя: *il faut que tu fasses ce travail – нужно (тому, кто произносит эти слова), чтобы ты сделал эту работу*. Сравним:

dis – lui, qu’il nous attende – скажи ему, чтобы он нас подождал;
dis – lui que nous l’attendrons à la sortie – скажи ему, что мы его будем ждать на выходе.

Во фразах первого типа всегда будет использоваться *Subjonctif*, и критерием его появления, на наш взгляд, является именно проникновение в «персональную зону» субъекта («пространство «ego»). Соответственно, вся информация, идущая от другого лица, воспринимается как субъективная и не затрагивает глубоко личностное начало, ограждая личность от вторжения в его персональную зону.

Сравним также:

il ne faut pas fumer – не нужно курить;
il ne faut pas que tu fumes – не нужно, чтобы ты курил.

Во втором предложении запрет касается конкретной личности, затрагивается персональная зона субъекта, и используется *subjonctif*.

В современном французском языке *Subjonctif* всегда используется с элементом «*que*». *Subjonctif* без «*que*» сохраняется, в основном, в архаичных оборотах: *sauve qui peut, dut-il, fut-il* и других. L. Foulet подчеркивает, что *Subjonctif* «почти всегда неотделим от *que* и нуждается в нем, как в «костыле» (*béquille*) [8: 207]. Если придаточное предложение с *que* предшествует главному, то всегда появляется *Subjonctif* (Сравним: *c’ est certain qu’il est venu – qu’il soit venu, c’ est certain*). Таким образом, можно предположить, что этот элемент *que* выступает в виде некоего сигнала, «приступочки» при вхождении в «персональную зону» субъекта («пространство «ego»).

Преподавателям – практикам иностранного языка хорошо известно, что именно эта грамматическая категория вызывает особые трудности у студентов. В значительной степени, как нам представляется, это связано с тем, что она переводится на русский язык, как «сослагательное наклонение», однако грамматических аналогов в русском языке не имеет. «Сослагательным наклонением» в русском языке называется: «грамматическая категория, выражающая возможность, условность действия (с частицей «бы»), синоним условного наклонения [4: 455]. *Subjonctif* же, по нашему мнению, следует объяснять именно как «субъективное» наклонение, дающее информацию, маркированную авторской оценкой, исходящую от другого лица и непосредственно затрагивающую «персональную зону» субъекта («пространство «ego»).

С нашей точки зрения, категория *Subjonctif* во французском языке представляет наибольший интерес для исследования как репрезентация оппозиции *Я – другой* во французской лингвокультуре. А. Исса-Муна справедливо убеждает нас в том, что это наклонение никогда не исчезнет из французского языка, а будет только развиваться. Это наклонение, как нам представляется, на уровне грамматического строя отражает во французском языке один из основных принципов человеческого существования: *свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков – М.: Языки русской культуры – 1999 – 775 с.
2. Исса-Муна А. Оппозиция *subjonctif/indicatif* в придаточных определительных. Дис. ... канд. филол. наук.– Москва, 2001 – 271 с.
3. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: Монография. – Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 1999. – 156 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1938. – Т. 4. – 1500 с.
5. Bally, Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indoeuropéennes. – Zeitschrift: L. Gauchat, 1926 – 250 p.
6. Boer de, C. Syntaxe du français modern. – Leiden, 1954. – 271 p.
7. Dauzat, A. Grammaire raisonnée de la langue française. – Lyon, 1948 – 211 p.
8. Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français – Paris, 1937. – 253 p.
9. Nordhal, M. Les systèmes du *subjonctif correlative* // Revue romane. – Copenhagen, 1970. – Pp.102–105.

Е.А. Пигаркина

ПАРАДОКС КАК СРЕДСТВО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Человек в ходе своего физического роста и интеллектуально-эмоционального развития находится в процессе формирования личностной модели мира (далее – ММ), которая, будучи в целом созданной к определенному возрасту, оказывает императивное влияние на осознание действительности. «В самом общем виде модель мира определяется как сокращенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте. Понятие «мир» понимается как человек и среда в их взаимодействии, или как результат переработки информации о среде и человеке. Переработка происходит как бы в два этапа: первичные данные, воспринятые органами чувств, подвергаются вторичной перекодировке с помощью знаковых систем. Следовательно, модель мира реализуется не как систематизация эмпирической информации, но как сочетание различных семиотических воплощений, ни одно из которых не является независимым: все они скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему, которой и подчиняются» [7: 5].

Особенностью существования человека является то, что он живет как бы «в двух мирах: в физическом пространстве; как «субъект мысли» он живет и общается с объектами совсем другого рода: он воспринимает и приобретает их, носит в себе и передает их различными способами другим жителям этого мира, другим субъектам мысли» [9: 92]. Между миром реальных объектов и миром мыслей существует постоянная взаимосвязь. Мы обращаемся к действительности, чтобы закрепить и верифицировать существующие в человеческом сознании образные отпечатки внешних объектов, и, наоборот, мы оперируем понятиями, чтобы выявить причинно-следственные связи и порядок вещей в окружающем нас мире. В качестве связующего звена между элементами двух систем выступает язык как еще один «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2: 13]. И здесь парадокс как языковое явление является средством соединения личностной модели мира и фактической действительности.